

УДК 903.2

<https://doi.org/10.36906/KSP-2023/08>

Логинов Е.И.

ORCID: 0009-0003-2636-5438

*Оренбургский государственный педагогический университет
г. Оренбург, Россия*

АКТУАЛЬНОСТЬ ИМАГОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос имагологического подхода в исследовании истории в контексте восприятия объекта изучения – образа, стереотипа, мифа. Анализируются методологическая значимость, результативность и перспективы исторической имагологии, как части крупного междисциплинарного направления. Поднимается вопрос о выборе источниковой базы применяемой в ходе изучения исторических образов в рамках вариативности интерпретации объекта изучения.

Ключевые слова: имагология; историческая имагология; образ; исторические источники; исторический образ.

Loginov E.I.

ORCID: 0009-0003-2636-5438

*Orenburg State Pedagogical University
Orenburg, Russia*

APPLICATION OF THE IMAGOLOGICAL APPROACH IN HISTORICAL SCIENCE

Abstract. The article deals with the issue of imagological approach in the study of history in the context of perception of the object of study – image, stereotype, myth. The methodological significance, effectiveness and prospects of historical imagology as part of a major interdisciplinary direction are analyzed. The question is raised about the choice of the source base used in the study of historical images within the framework of the variability of interpretation of the object of study.

Keywords: imagology; historical imagology; image; historical sources; historical image.

Имагология как научная дисциплина занимается вопросом коллективных представлений, создающихся в общественном сознании прошлого, работая с широким комплексным характером надындивидуального уровня. Крупное междисциплинарное направление – имагология, помимо истории, связывает между собой культурологию, социологию, психологию, литературоведение и ряд других гуманитарных дисциплин. Основными понятиями в имагологии являются образы «чужих» или «других», т.е. инородных для воспринимающего субъекта. И на основе рецепции изучение инородного образа позволяет провести самоанализ родной системы ценностей [9]. Работая с понятием «образ», историки не предлагают точно структурированного определения и отталкиваются от отражения предметов и событий материального мира в идеализированной результативной форме [11, с. 41].

В междисциплинарном контексте само понятие образа может варьироваться в зависимости от дисциплины. Это ставит вопрос рассмотрения образа как объекта исторического исследования. На данный момент выделяется ряд концептуальных

исторических поворотов, в контексте которых проблематика формирования образа актуализировалась. Одним из них является теоретическое построение «школы Анналов», которая призывала историков глубоко проникать во внутренние смыслы материалов и не противопоставлять исторический факт историческому образу [4, с. 92].

Историческая субъективность оставалась предметом острых споров и дискуссий. Так, в XX в. историки считали, что, работая с источниками, исследователи создают не объективную реальность, а именно образ объекта изучения. Происходит это потому, что историк имеет конкретный набор вопросов к источнику, именно вопросы заставляют источник «говорить». Но и образ реальности – это не точная копия реальности. Любой исторический источник ограничен, как и методы изучений. Исследователь, как правило, сталкивается с трудностями в формировании объективной реальности, что приводит к созданию образа этой реальности, т.е. исторической действительности, содержащей не точную объективность, а лишь отдельный ее аспект. Из-за этого каждый историк способен создать собственный образа прошлого [10, с. 129].

В 1970–1980х гг. происходит «Лингвистический поворот» - значимый этап истории в изучении образов. «Лингвистический поворот» также поднимает проблему субъективного и объективного в истории. Исследователи проводили мысль о том, что важнее оценивать мнение людей настоящего о событиях прошлого, чем сами события прошлого [6, с. 13]. В это же время возрастает значимость литературы в исторических вопросах. И литература, и история предлагают исследователю образы, а не объективную реальность. Они помогают утвердиться в окружающем мире и помогают в его познании [7, с. 21].

В раскрытии образов прошлого важное значение имеет проблема памяти, так как память может трактоваться как совокупность текстов и образов. Историки отмечают, что память – это нечто, уходящее в корень событий конкретного пространства, объекта, образа, жеста. Через исследование исторических образов исследователи пытаются выйти на уровень коллективной исторической памяти общества. В контексте памяти примечательно, что образы прошлого формируются в виде своеобразных коллажей, созданных из различных источников, которые со временем или при коммуникации искажаются в значении, но сохраняют эмоциональную значимость [6, с. 20].

Один из вариантов работы образов в памяти трактуется идеей об отсутствии готовых образов, несмотря на то, что общество имеет достаточное количество сведений для их формирования. С помощью анализа исторических источников эти сведения выстраивают определенную картину, которая уже формирует образ изучаемого [12, с. 33-34].

Актуальность этой проблемы обусловлена информационным поворотом, произошедшем на рубеже XX-XXI вв., когда происходит расширение ряда исторических источников. Междисциплинарность открывает широкие возможности для выборов источников в вопросе изучения образа. Так как в приоритете находятся источники с высокой репрезентативностью, рассмотрению чаще всего подлежат средства информации, пользующиеся наибольшей

массовостью. Именно они оказывают фундаментальный эффект на формирование образов, стереотипов и мифов [2, с. 22].

В зависимости от контекста исторической эпохи такими источниками могут быть газеты, журналы, радио, телевидение, интернет. Однако не стоит ограничиваться СМИ. Дневники, мемуары, переписки и другие источники личного происхождения могут содержать оценочную характеристику объектов имагологического изучения, в том числе исторических событий. Работа с образами имеет и мировоззренческое значение, что говорит об актуальности изучения визуализации различных идей и массовой ретрансляции их в общество, т. е. изучение влияния плакатов, карикатур, кинематографа определенного исторического времени [14, с. 167-168].

Для исторической имагологии значение имеют и правительственные отчеты, документы, указы и другие официальные источники, в контексте которых может указываться характеристика, обуславливающая формирования образа, например, определенного народа, региона, страны, и даже самого автора документа. Имагология, тесно связанная с литературоведческой компаративистикой, обуславливает исторический интерес к восприятию и созданию различных образов через произведения художественной литературы [5, с. 115-116]. Литература может рассматриваться и в историческом аспекте, так как степень её достоверности также высока, но в вопросе воссоздания атмосферы человеческих отношений: ментальность других народов, их характер, особенности языка и речи, и в общем стереотипы обыденности. Связь исторической и художественной имагологии довольно крепка, так как оба направления затрагивают вопросы образа жизни, поведения, обычаев, религии и национального характера.

Стоит и отдельно упомянуть фольклор, как возможность оценки образа с помощью народного творчества. Сложить образ исторической эпохи можно и по бытующим в народе песням, сказкам, анекдотам, частушкам и т. д. Они формируются на основе реальной жизни.

Таким образом, историческая имагология может пользоваться разнообразием источников для создания полной картины формирования объекта изучения, с учетом анализа и переосмысления данных, фактов, событий, связанных с созданием образа.

Как уже было обозначено, основа имагологического исследования – это изучение образа, понимание которого разнится. В определении объекта имагологических исследований, стоит обозначить основные точки зрения. Во-первых, рассматривается бинарная концепция «Мы-Они». Она подразумевает создание идеи «своего», как призму рассмотрения в восприятии и оценке «другого» [9, с. 31]. Во-вторых, оформленная А.С. и Е.С. Сеньявскими точка зрения уточняет разницу между «другой» и «чужой», где второй носит негативный характер в отличии от первого [13, с. 59]. В настоящее время в исторической имагологии развивается тенденция расширения образа «других» [1, с. 6-7].

Большинство исследователей указывают, что в имагологическом подходе под «чужим/другим» понимаются такие глобальные понятия как нация, культура, страна, народ и т.д. Однако под критерий «чужого» может попадать, например, социальное или гендерное

разделение. Поэтому «другим» может выступать и «свой», «почти свой», «бывший свой», но все же с отличительными чертами [14, с. 169].

Помимо «образов» выделяют и понятия стереотипов, мифов, различных предрассудков. Эти понятия используются исследователями как дополнительный источник формирования образа, поскольку носят упрощенный характер. Но даже упрощенные трактовки помогают в создании определенных видов образов. Важное отличие стереотипов в том, что они, как правило, носят эмоциональный характер индивидуального порядка. Стереотип является важным понятием в имагологии, поскольку это довольно устойчивые и малоподвижные представления о «чужих». Стереотипы создают простые картины свойств и установок вместо сложного комплекса восприятия социумов с их богатой культурой и национальной окраской [9].

Отдельное внимание стоит уделить понятию «имидж», так как оно не редко появляется в поле внимания современных исследований. Имидж – преобразованный средствами массовой информации образ о каком-либо объекте для воздействия на большие группы людей. В отличие от образа имидж – это направленное действие, социальный или политпропагандистский стереотип, искусственно созданный для каких-либо целей. Понятие «имидж» может использоваться в значении «стереотип» или же быть синонимом понятия «образ», однако ряд исследователей считают, что эти понятия стоит разграничивать [4, с. 76].

Еще одной точкой зрения на объект является «Я-концепт», как самооценка, самовосприятие через понимание другими. Данная вариация объекта имагологии на сегодняшний день недостаточно распространена, но имеет место быть, особенно для создания социокультурной и национальной идентичности. Отмечается, что объектом изучения может быть событие, явление, исторический процесс, так как образ исторических событий может взаимодействовать с исследованиями культурологических, искусствоведческих, этнологических и других направлений [3, с. 169].

Таким образом, объект имагологического исследования в исторической науке является комплексным и сложным явлением. Оно может быть направлено как внутрь, в виде самоанализа, так и вовне, в виде восприятия «чужих». Эта категория, отображающая различные динамические отношения в изменении самых разных образов в соотношении как рациональных, так и эмоциональных аспектов.

Необходимо отметить, что исторический образ подвижен, он претерпевает определенную эволюцию, динамику в соответствии с социальными, экономическими, политическими и другими факторами. При этом процесс эволюции скрывается под силой устойчивых стереотипов и мифов. Отследить эволюцию позволяет яркое событие, знаменательный переломный момент. Это один из основных вопросов в исторической имагологии, так как именно он приводит к смене или коррекции образа. В исторической имагологии исследователи выделяют три группы элементов образа: эмоционально-чувственные, когнитивные, имагинативно-фантазийные. Причем эти элементы связаны по большей части с субъектом восприятия.

Обозначив позиции в отношении объекта имагологического исследования стоит упомянуть и субъект. Образы, как правило, показывают реальность не напрямую, а через выражение интересов и дискурса социальных групп. При этом социальными группами могут быть государство, партия, церковь, конкретные личности и так далее. Для субъекта определяющим является бытие, история и общий быт в контексте географии, религии, культуры и других составляющих повседневной жизни, не без учета близости или дальности от вопроса изучения.

Образы уже формируются в субъективном контексте, обусловленным культурно-исторической памятью, социально-психологическими процессами, мировоззрением и жизненным опытом. Выделяя историческую имагологию, важно обратить внимание на то, что субъективный контекст формирует не только настоящее, но и прошлое. Эти образы могут формироваться как в одностороннем порядке, так и обоюдно. Важную роль играют первые, наиболее яркие впечатления, непосредственных участников исторических событий. Их эмоциональный окрас еще не подвержен корректировке со стороны анализа более поздних лет [14, с. 172-173].

В исторической имагологии важное место можно отвести взаимодействию субъекта и объекта изучения. Чем активнее это взаимодействие, тем более детальный и конкретный образ способен сформироваться. Для понимания можно привести пример образа западных капиталистических стран в восприятии советских людей. Отсутствие информации или даже достоверных сведений, способствовали оформлению образа, основанного на стереотипах, мифах и домыслах. Многие образы, состоящие из домыслов, чаще всего «подгоняются» остальными впечатлениями и наблюдениями [8, с. 534].

Таким образом, имагологический подход в исторической науке способствует решению таких исследовательских задач как анализ закономерностей восприятия «чужого/другого», алгоритм оформления образов «чужих» и «своих» в определенный исторический период. Проблема образов в истории тесно связана с реанализом общеисторических подходов. Изменение в понимании места и роли исследователя в историческом процессе также подвержено пересмотру, так как историк не может воссоздать объективную реальность и результат его рефлексии – это образ исторической действительности.

В настоящий момент продолжает совершенствоваться понятийный аппарат имагологии как в целом, так и в историческом направлении. Историческая имагология реализует реконструкцию не только объекта изучения, но и определенных процессов воздействий внешней и внутренней сред; и позволяет провести оценку воспринимающего субъекта по отношению к образам, отражает его самосознание и систему ценностей. В этом ключе имагология способна сформировать представление о дальнейшем взаимовлиянии образов на исторические события, а также, создавая понятную картину причинно-следственных связей в формировании образов, улучшить взаимопонимание между любыми элементами социума.

Литература

1. Бойцов М.А., Успенский Ф.Б. Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. СПб: Алетейя, 2010. 383 с.
2. Волков Е.В. Игровое кино как исторический источник культурной памяти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 22-26.
3. Иванова А.Д. О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11. С. 74-78.
4. Ковтунова Ю.Р. Образ как объект исторического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 91-93.
5. Козлова А.А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. №3. 2015. С. 114-118.
6. Купарашвили М.Д. История как риторика. Версия Хейдена Уайта // Общество: философия, история, культура. 2019. № 4 (60). С. 13-18.
7. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011. 447 с.
8. Маршуба Д.А. Проблема классификации сфер исследования в имагологии // Молодой ученый. 2015. № 6. С. 532-535.
9. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная наука // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31-40.
10. Поршнева О. С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв.: сборник статей международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2014. С. 126-129.
11. Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2010. № 3 С. 39-44.
12. Сабанчеев Р.Ю. Концепция "мест памяти" Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. №. 1 С. 33-38.
13. Сенявский А.С., Сенявская А.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 2 (6). С. 54-78.
14. Урядова А. Историческая имагология: субъект и объект восприятия // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2020. № 9/2 С. 167-174.